

В. А. Дмитриев

**ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ РУССКОГО МУЗЕЯ
В КОМПЛЕКСЕ НАУЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ А. А. МИЛЛЕРА,
ПАЛЕОЭТНОЛОГА И МУЗЕЙНОГО ДЕЯТЕЛЯ**

АННОТАЦИЯ. Александр Александрович Миллер (1875–1935) был сотрудником Этнографического отдела Русского музея (ныне — Российский этнографический музей) с 1908 по 1932 г. Основным итогом его работы здесь стало формирование кавказоведческого направления в рамках музейного востоковедения. А. А. Миллер активно занимался археологическими исследованиями и в качестве выдающегося археолога вошел в историю российской науки. В течение многих лет археологические работы создавали возможность развертывания этнографических исследований в пользу Этнографического отдела Русского музея. Особо это касается работы Северокавказской археологической и этнографической экспедиции Государственной академии истории материальной культуры, организованной А. А. Миллером (с его непосредственным участием в 1923–1931 гг.). Благодаря объединенным исследованиям изучалась культура адыгов, абхазов, осетин, балкарцев. Вне комплекса археолого-этнографических работ находятся исследование культуры горских евреев Кавказа (1907–1909), изучение кавказского ковроделия (1908–1909), экспедиционные работы в Западной Армении (1916).

А. А. Миллер был представителем российской палеоэтнологии и ее безусловным лидером. В сфере научных исследований он более всего стремился выделить архаику в фактах этнографии и показать ее связь с историческим прошлым народов Северного Кавказа. В своей деятельности в музее он стремился к комплексному подходу в изучении различных сторон этнической культуры. В дореволюционный период он не только занимался сбором этнографических коллекций, но и уделял большое внимание развитию хозяйства Этнографического отдела. В первые послереволюционные годы возглавлял Этнографический отдел и весь комплекс Русского музея, фактически сохранив его собрание. В 1920-е годы занимался полевыми исследованиями, их теоретическим осмыслением, готовил экспозиции и выставки Этнографического отдела. В 1932 г. был репрессирован и умер в ссылке.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Александр Александрович Миллер, Этнографический отдел Русского музея, археология, этнография, палеоэтнология, архаика, музейное дело

УДК 069:39

DOI 10.31250/2618-8619-2019-3(5)-48-58

ДМИТРИЕВ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ — д.и.н., н.с. главной категории отдела Кавказа и Средней Азии, Российский этнографический музей (Россия, Санкт-Петербург)

E-mail: dmitriev_home@mail.ru

Александр Александрович Миллер (1875–1935) представлял собой тип ученого, характерного как для российской гуманитарной науки первой трети XX в., так и для одного из ее институтов — Этнографического отдела Русского музея, одним из создателей которого он являлся, хотя его и не было в первом составе хранителей музея. Прежде чем обратиться к его участию в развитии музея и показать действительно большой вклад в музейное дело России первой четверти XX в., необходимо отметить несколько обстоятельств его научной биографии.

Как отмечают современные исследователи, научная карьера А. А. Миллера началась в 1906 г., когда ему было уже более тридцати лет. До этого он был профессиональным военным, окончившим кадетский корпус в Новочеркасске (1886–1893), Николаевское военное инженерное училище в Санкт-Петербурге (1893–1896) и служившим в 4-м железнодорожном батальоне (1896–1906), дислоцированном в местечке Барановичи Новогрудского уезда Минской губернии. К 1906 г. он дослужился до чина штабс-капитана (Алекшин 2015: 7). Вполне разумно предположить, что армейская служба была данью семейной традиции и дворянскому происхождению. Также следует полагать, что Миллер был неплохим офицером, если уже при новой власти в 1919 г. во время отражения наступления на красный Петроград войск генерала Юденича его привлекали к отбору кадров для Красной Армии.

В военной службе тем не менее в 1906 г. был сделан перерыв, во время которого будущий ученый получил археологическое и этнографическое образование, окончив Высшую школу антропологии в Париже (1901–1904) по отделению «доисторическая археология» (Тихонов 2003: 162). В Париже он также посещал лекции в Русской высшей школе общественных наук, но прекратил обучение в 1903 г., не завершив полностью курса по специальности «древний мир» (Алекшин 2015: 7), и совершенствовался как художник в Художественной академии Жюлиана.

Что подвигло А. А. Миллера на сотрудничество с Этнографическим отделом Русского музея: воспитанная с юности наблюдательность, проявившаяся в интересе к обычаям населения белорусского местечка, среди жителей которых значительную долю составляли евреи, или знакомство еще со времен учебы в Париже с Федором Волковым (Вовком), — решить сложно. Однако именно благодаря тому, что между этими двумя людьми, разными по возрасту и политическим судьбам (Ф. К. Волков родился в 1847 г. и в Париже оказался как революционер-эмигрант), существовала дружеская переписка, известно, что в ней прозвучала тема еврейской этнографии. Обсуждение этой темы началось с немного ироничных полевых заметок, сделанных А. А. Миллером, а закончилось тем, что офицер переквалифицировался в этнографа, собравшего для Этнографического отдела Русского музея (ЭОРМ) ценную вещевую коллекцию по культуре ашкеназов (Тихонов 2015: 51). Ф. К. Волков, с 1903 г. сотрудничавший с ЭОРМ, а с 1906 г. занимавший в нем должность хранителя, очевидно, способствовал привлечению А. А. Миллера к работе корреспондентом музея. Однако это была явно не единственная тропа, приведшая А. А. Миллера в музей.

Другим путем в музейную среду для А. А. Миллера стало увлечение археологией, первые опыты в которой он произвел, еще будучи на военной службе, когда во время летних отпусков 1902–1904 гг. любительским образом раскопал несколько курганов у с. Покровского и хут. Гусельникова Донской области (Миллер 1903; Семенов 1997). Существует предположение, что эти раскопки были заданием так называемого Подготовительного комитета, проводившего работы по организации XII Археологического съезда, который состоялся в Харькове с 15 по 27 августа 1902 г. (Алекшин 2015: 8).

К 1907 г. он уже не был любителем, получив профессиональное образование в Париже, к этому времени был принят в члены Императорской археологической комиссии (ИАК). В этом качестве

он провел масштабные археологические исследования в Абхазии, где, в частности, открыл Гагринский могильник на территории будущего курорта, создание которого активно готовил принц А. П. Ольденбургский. Эти планы предусматривали не только археологические, но и другого рода исследования на Черноморском побережье Кавказа. Имея такую поддержку и являясь корреспондентом ЭОРМ, А. А. Миллер принимается за обширное этнографическое исследование, не отрываясь от археологических работ. Результатом работы А. А. Миллера как этнографа была одна из самых значительных вещевых коллекций по этнографии Абхазии, поставившая музей в Санкт-Петербурге в число обладателей (и количественно, и качественно) главных собраний по абхазской этнографии. Другим таким важным источником являются результаты полевых наблюдений ученого по этнографии абхазов и мегрелов. Результаты изучения культуры абхазов были опубликованы, они до сих пор служат великолепным этнографическим пособием (Миллер 1907).

В 1907 г. А. А. Миллер также работал в Подонье, где были собраны материалы по этнографии донских калмыков, культура которых фактически не изучалась ни до работ А. А. Миллера, ни после. Политика советской власти в отношении калмыков и их судьба в годы Второй мировой войны уничтожили своеобразие этой группы. В подходе Миллера этнографические исследования в этот период были связаны с археологическими, поскольку одновременно в южных областях России он собирал сведения о так называемых «каменных бабах».

Отмеченное позволяет сказать, что А. А. Миллер, входя в этнографическую науку скорее волей обстоятельств, уже был археологом-полевиком, очевидно, более отдавая предпочтение этому виду деятельности. Несомненно, такие заслуги были приняты во внимание августейшим управляющим Русским музеем великим князем Георгием Михайловичем, также увлекавшимся археологическими исследованиями.

Нельзя не отметить, что как археолог А. А. Миллер не только отдавал археологическим исследованиям каждый год своей научной деятельности, но и остался в научной традиции, несмотря на то, что его, в конце жизни репрессированного советской властью, должны были вычеркнуть из нее. В этой связи следует сказать, что научный труд Миллера «Археологические разведки» (Миллер 1934), посвященный методологии археологической науки, вышел в свет немногим после его ареста и высоко ценился в профессиональной среде.

Войдя в состав хранителей ЭОРМ, А. А. Миллер продолжал заниматься археологическими работами. В этом направлении он выступил исследователем памятников железного века в низовьях Дона (1908–1914) — Елизаветинского городища и прилегающего к нему курганного могильника (Решетов 2001: 9). Наиболее выдающимся его достижением в области археологии была организация и работа Северокавказской археологической экспедиции ГАИМК, основанной А. А. Миллером в 1923 г. и в разных формах продолжающей существовать фактически до настоящего времени. Следует отметить, что экспедиция не только параллельно проводила археологические и этнографические исследования, но и сама археологическая часть включала изучение позднесредневековых памятников культуры народов Северного Кавказа, таких как башни и склепы Чечни, Ингушетии, Балкарии (Алексин 2007: 17, 22, 27, 37). Оценивая значение Северокавказской экспедиции в собирательской работе этнографического музея, в 1931 г. А. А. Миллер подчеркивал, что СКЭ ГАИМК позволяла вести этнографические исследования параллельно с археологическими, а это особенно важно, учитывая, что музей, за редким исключением, не финансировал этнографических поездок на Северный Кавказ. Со своей стороны можем сделать и такую ремарку: полевая работа археологов вызывает такой большой интерес у местных жителей, что они сами часто предлагают себя в качестве источников этнографической информации.

Представляя основные принципы историко-культурологической науки начала XX в., современные историографы должны иметь в виду, что в видении ученых того времени не было четкого разделения археологии и этнографии. Эти дисциплины понимались как перетекающие одна в другую и даже как единая наука — палеоэтнология. Не случайно, поступая на службу в ЭОРМ, А. А. Миллер отметил свою специализацию как «древняя и этнографическая история материальной культуры». Поэтому же А. А. Миллер в 1920-х годах был многосторонним сотрудником ЭОРМ, РАИМК/ГАИМК, Ленинградского университета, Археологического института, был действительным членом Русского географического общества и ряда других обществ (Решетов 2001: 11).

В РАИМК в 1924–1925 гг. работали три отделения, одно из которых, отделение этнологии, возглавлял А. А. Миллер, руководя в нем разрядом палеоэтнологии. Результатам работы палеоэтнологического сектора на Кавказе была посвящена часть выставки «История генетики», подготовленная под руководством А. А. Миллера и открытая в 1929 г. (Длужневская 2006: 129, 130, 133). В конце 1920-х годов в ГАИМК А. А. Миллер возглавлял подсектор культур, переходных к классовой структуре, архаического сектора (1930), группу хозяйства эпохи бронзы с ориентацией на археологические культуры эпохи неолита и бронзы (1931), бригаду родового общества (1932). Такая деятельность позволяла ученому развивать его основной интерес в этнографии — изучение архаики.

Мы рассматриваем фигуру А. А. Миллера как крупного российского представителя отечественной школы палеоэтнологии, проводившего исследования в синтезе этнографических и археологических подходов.

Российская палеоэтнологическая школа не имела общего оформления и состояла из отдельных ярких личностей (Платонова 2008). Примечательно, что их научные позиции сложились в дореволюционное время, а в 1920-е годы все они были связаны в основной деятельности с двумя музейными центрами — Этнографическим отделом Русского музея в Петрограде–Ленинграде и Музеем народоведения в Москве, представлявшими наследие имперской программы развития больших комплексных музеев России. Сотрудники этих музеев, действуя как профессиональные этнографы, в определенную часть рабочего времени сотрудничали с ИАК, РАИМК, ГАИМК, проводя археологические исследования.

В 1920-х годах в ЭОРМ представители школы палеоэтнологии обеспечивали все направления науки в музее и были лицом этнокультурных исследований в стране. К палеоэтнологам причисляется первый заведующий ЭОРМ Д. А. Клеменц (Дэвлет 1963), Ф. К. Волков (в 1907–1918 гг. руководитель направления этнографии восточных славян), в также ведущие специалисты музея 1920 — начала 1930-х годов: этнограф-славист Б. Г. Крыжановский, знаток памятников Крыма Б. А. Бонч-Осмоловский, специалист по славяно-финской этнографии Д. А. Золотарев, крупнейший российский этнограф-кавказовед и археолог А. А. Миллер, известный археолог и этнограф С. И. Руденко, сибиревед С. А. Теплоухов, крупный российский ученый-тюрколог Ф. А. Фиельсбург (Грусман, Дмитриев 2014: 13–15). Все они подверглись репрессиям в начале 1930-х годов, как и А. А. Миллер, а сама школа была организационно разгромлена, что сказалось и на ее идеологических позициях.

В ЭОРМ А. А. Миллер пришел в 1908 г., сменив К. А. Иностранцева на посту хранителя музея, курировавшего востоковедческие исследования. Функционально это была очень значительная должность, изначально в музее было четыре хранителя, ответственность которых накрывала большие регионы России и сопредельных стран. Так и А. А. Миллер являлся с 1908 по 1932 г. бессменным руководителем направления востоковедения (Кавказ, Средняя и Центральная Азия, Поволжье, страны мусульманского Востока). В резолюции по итогам совещания от 16 мая 1918 г. он так

определял сферу востоковедения в ЭОРМ: ядром всего является изучение этнографии Кавказа, следует также вести этнографические работы по изучению культуры народов, оказавшихся в государственном пограничье (турецкие армяне, зарубежные лазы, курды, татары), обратить внимание на изучение персидского искусства, послужившего первичной основой искусства кавказского и Средней Азии, получить материалы по культуре османов, учитывая их влияние на кавказские народы, считалось также желательным вести работы по сбору коллекций по этнографии мариупольских греков и восточных евреев (Стенографический отчет 1918: 25.04, 16.05). Он также считал, что среднеазиатская этнография должна формироваться как исследование сартов, всех тюркоязычных народов, которые мыслились как единый массив от Поволжья до Сибири и границ великорусского ареала (Дмитриев 2012: 123–124). В 1923 г. А. А. Миллер уменьшил зону своей ответственности, ограничиваясь работами на Кавказе, в Крыму, Туркестане и изучением материала по народам Ближнего Востока. В 1928 г., в преддверии реконструкции ЭОРМ, сфера этнографии народов Средней Азии была передана другому сотруднику.

В 1908–1917 гг. А. А. Миллер занимал ведущие позиции в разрешении ряда практических вопросов подготовки музейных экспозиций (структура выставочного показа, конструирование оборудования, создание антропологических манекенов и т. д.), представлял музей перед важными лицами. В 1911 г. он сам занялся проектированием деревянной музейной мебели, разработкой вариантов ее конструкции, организовал музейно-технические мастерские, которыми заведовал до их закрытия во время Первой мировой войны.

Как этнограф-кавказовед и хранитель ЭОРМ А. А. Миллер заложил основы его вещевого и фотографического собрания в области традиционной культуры народов Кавказа. Кроме упомянутых работ по изучению и сбору фактического материала по культуре донских калмыков (1906–1907), абхазов (1907), им были собраны коллекции по этнографии горских евреев (1907–1909), кубанских и черноморских адыгов (1910), подготовлена (1907–1909) база собрания кавказских ковров ЭОРМ и открыто для научного мира ковроделие татов, ученый в 1910–1914 гг. вел также этнографические работы в Черноморской губернии, Батумской области, городах Ахалцихе и Тифлисе. Коллекции по этнографии горских евреев в настоящее время представляются уникальными, а исследование кавказского ковроделия положило начало целой отрасли собирательской работы музея.

К числу таких эпохальных результатов и масштабных работ относятся экспедиционные исследования в Западной Армении в 1916 г., которые проводились в прифронтной зоне русской Кавказской армии, в окрестностях озера Ван. Отметим также уникальность собранных коллекций, учитывая, что западноармянский субэтнос значительно пострадал в годы геноцида армян в Восточной Анатолии (Гущян 2015).

А. А. Миллер также проводил собирательскую работу среди белорусов и евреев Могилевской губернии (1907–1908). Кроме того, за период 1910–1914 гг. он собирал этнографические коллекции у донских казаков и украинцев, принимал участие в осмотре и экспертизе коллекций в Ялте, Казани, Витебске и Пскове. По поручению ЭО и ИАК произвел приемку и перевозку из Пскова в Петроград коллекции известного частного собирателя Ф. М. Плюшкина.

В 1912 г. А. А. Миллер был одним из деятельных организаторов выставки «Русская Ривьера» (открыта 2 ноября — 15 декабря 1913 г.). Когда, наряду с презентацией материалов по Галиции (которая состоялась позднее), в ЭОРМ была организована первая выставка этнографических материалов, принципы ее организации во многом были разработаны А. А. Миллером, им же был подготовлен кавказский раздел выставки.

Формируя в предреволюционную эпоху и в первые годы советской власти работу востоковедческого направления, складывавшегося в ЭОРМ, и организуя состав территорий и народов, являвшихся сферой деятельности хранителя-востоковеда, А. А. Миллер оставлял за собой изучение народностей Кавказа и Средней Азии (Туркестана), народов Крыма, цыган, всех тюркских народов Европейской части России («народы Поволжья и татары во всем географическом разнообразии»). При этом он пришел к выводу, что материал зарубежной этнографии «связан взаимно с материалом, собранным в пределах России, поэтому отделить его по нынешним границам было бы нецелесообразно и пошло бы в ущерб пониманию Кавказа». Поддержанием тезиса были работы, проведенные А. А. Миллером в Западной Армении. Собранные в 1915–1916 гг. в окрестностях озера Ван коллекции являются важнейшим источником по традиционной культуре западноармянского субэтноса (Гущян 2015).

Революционные годы были для А. А. Миллера временем административного взлета. В самые трудные годы существования страны и ее музеев А. А. Миллер в 1918–1921 гг. возглавлял на выборной основе весь Русский музей, с 1918 по 1923 г. был заведующим Этнографическим отделом. Очевидно, он представлял собой правильный образец буржуазного специалиста, готового на сотрудничество с новой властью. Со своей стороны он понимал, что иначе не спасти то культурное наследие, за которое он стал ответственен лично. После Февральской революции А. А. Миллеру пришлось заниматься разными работами, связанными со спасением культурных ценностей России, он входил в Комиссию по организации музейного дела и охраны памятников искусства и старины при Институте истории искусств, в Совет по делам искусств при комиссаре по делам бывшего Министерства Двора, по поручению руководства Русского музея руководил работами по эвакуации коллекций музея в Москву. Позднее, продолжая стоять во главе Русского музея, занимался их возвращением. В 1918 г. уже при советской власти А. Миллер вошел в Российскую комиссию по делам музеев и охране памятников искусства и старины при Народном комиссариате просвещения Российской Советской Республики. На директорском посту ему приходилось заботиться и о коллекциях музея, и о самом здании, добиваться ремонта выбитых окон и искать дрова для отопления здания, спасать сотрудников от голода и нищеты, выстраивать отношения с новой властью. Директором Русского музея А. А. Миллер оставался до 16 мая 1921 г., до 28 декабря 1921 г. заведовал ЭОРМ. В 1921 г. для него подтверждается звание хранителя ЭОРМ, при реорганизации ЭОРМ в 1925 г. А. А. Миллер получает должность заведующего отделом Кавказа и Туркестана.

Покинув пост директора Русского музея, А. А. Миллер продолжает быть активнейшим сотрудником музея, занятым экспозиционной деятельностью. При его участии в 1923 г. были открыты четыре зала (на втором этаже левого крыла здания) из числа образованного экспозиционного комплекса музея, сделавшего его публичным. Подготовка экспозиции ЭОРМ была ответом на образование 30 декабря 1922 г. Союза ССР, но показ музейных предметов соответствовал не политической структуре государства, а принципам этнографической науки, оперировавшей собственными категориями. Так, в экспонировании культуры народов Кавказа выделялась группа яфетических народов (народы кавказской языковой семьи, а также индоевропейцы по языку — армяне и осетины) и турецких (тюркоязычные народы). В эту же экспозиционную структуру вводился материал по этнографии кавказских и крымских евреев. Два зала были посвящены народам Средней Азии и Туркестана, последний представлялся как общность всех тюркоязычных народов европейской и азиатской частей Советского Союза, за исключением Кавказа и с включением Поволжья.

Следующим этапным произведением А. А. Миллера была выставка, отчасти отдававшая дань пристрастию самого исследователя в области этнографии Кавказа, — «Ковровые изделия Востока»,

работавшая с 11 мая по 8 июня 1924 г. (Миллер 1924). Характеризуя оба выставочных проекта, и экспозицию 1923 г., и выставку 1924 г., достаточно отметить, что они были построены на предметах, собранных в дореволюционные годы, и подводили тот итог, который мог бы состояться и ранее, если бы не события Первой мировой и Гражданской войн.

Новые материалы стали поступать в отдел Кавказа благодаря деятельности Музейного фонда, в частности были поступления из дворцов бывшей царской знати, в организации которых А. А. Миллер принимал деятельное участие, и возобновившейся полевой работе, основной формой которой стали комплексные экспедиции, имевшие четкую региональную привязку.

Сократив административную нагрузку в самом музее, А. А. Миллер сосредоточился на организации и деятельности особой структуры по исследованию археологии и этнографии народов Северного Кавказа. Большое место в его жизни заняла полевая работа, которая была связана с Северо-Кавказской экспедицией Государственной академии истории материальной культуры (СКЭ ГАИМК), что поддержало кавказоведение в ЭОРМ, уже явно выделившееся из востоковедения в целом. Формально отдел Кавказа в музее будет организован почти 15 лет спустя, но 1923 г., год выделения Госпланом СССР средств на организацию СКЭ ГАИМК, можно признать важной датой в развитии музейной этнографии Северного Кавказа.

Этнографическим изучением, следовавшим за археологическим, были охвачены в 1923–1929 гг. Прикубанье, Кабарда, Балкария, Северная Осетия, Дагестан. В 1931–1932 гг. археологические исследования были развернуты на Таманском полуострове.

Собранные этнографические материалы привели к накоплению вещевых и фотоиллюстративных коллекций по этнографии народов Северного Кавказа и Дагестана, благодаря чему в полной мере изучались архаические культы: культ мертвых, культ молнии, культ амулетов, культ святых мест. Особо следует оценить результаты сбора в Осетии предметов земледельческой культуры горцев, показывающих все стадии получения и использования зернового продукта — от обработки земли до бытового и сакрального потребления хлеба и пива с включением предметов различного культового назначения: календарной, производственной, семейной, астрономической и другой обрядности. Исследователь не только получал предметы живой архаики, но и готовился к обоснованию значимости народной экономики в этногенезе горцев Северного Кавказа, что могло бы вывести этнографическую традиционную науку на новые рубежи познания. Разрабатываемая А. А. Миллером концепция была представлена на выставке ЭОРМ «Горное земледелие», открывшейся в ЭОРМ в 1927 г. и подготовленной в рекордно короткие сроки.

Благодаря работам экспедиции А. А. Миллер вывел основной закон палеоэтнологии о единстве подходов к полевым методам археологии и этнографии. Он был показан на страницах монографии «Археологические разведки», написанной в 1932 г., но опубликованной только в 1934 г. В этой работе А. А. Миллер писал: «Другой стороной, столь же важной [как и археологические исследования. — В. Д.], должно быть изучение современного населения и именно в той части “этнографии”, где мы найдем подчас прямые свидетельства к древним вещественным памятникам изучаемого района» (Миллер 1935: 160).

А. А. Миллер вывел тезис об особом внимании исследователей к архаике в культуре, что сближало этнологические и археологические подходы. Он видел в архаике исчезающую реальность, писал о жизнестойкости древнеязыческого строя, сохраняющегося до эпохи современности и тем самым представляющего собой драгоценный источник для исследований (Миллер 1926: 85, 90–91), о народном орнаменте как источнике, сохранявшем древность (Миллер 1927: 51). Он доказывал, что понимание семантики рисунка дает возможность перейти к методикам реконструкции

смысла древних изображений (Миллер 1923: 127, 137, 138). Предпринимая поиск архаики в предметах этнографического исследования и соединяя этнографический подход с искусствоведческим, А. А. Миллер выстроил концепцию развития художественных форм, полагая, что «для реконструкции общего движения художественных форм естественно приобретают особое значение... наиболее ранние... где характер связи искусства с народной экономикой выступает перед нами в простейшей форме» (Миллер 1926; 1929: 3, 13). Отмеченный синтез прозвучал в подходах к демонстрации образцов народного искусства, примененных А. А. Миллером при подготовке международной выставки (1 мая 1925 — 1 января 1926 г.), куда он был командирован Комитетом по устройству отдела народного искусства СССР, и в докладе «Об изобразительном искусстве тюркских народов» на Туркологическом съезде в Баку (26 февраля — 5 марта 1926 г.).

А. А. Миллер как сотрудник ЭОРМ готов был дать палеоэтнологическому объекту альтернативу, уравнивая в музейном деле исследование архаики вниманием к бытовой культуре развитых социумов, что было своеобразным пониманием задач по изучению современных форм культуры. Он проявил себя активным противником разделения Художественного и Этнографического отделов Русского музея в 1917–1918 гг. [3] и сторонником создания в комплексе Русского музея Историко-бытового отдела (ИБО), который замышлялся в дореволюционное время, но действовал уже при советской власти. Представляя крестьянский и дворянский быт царской России, Историко-бытовой отдел Русского музея был в этой концепции направлен на отражение прогрессивных форм архаики (архаики недавней), что позднее, в период реформирования Русского музея в 1934 г., стало главной причиной его закрытия. В краткий период 1939–1941 гг. выделившаяся коллекция ИБО вернулась к этнографическому музею и была использована для организации его исторической экспозиции и соответствующей ей организационной структуры Государственного музея этнографии (название бывшего ЭОРМ, в настоящее время Российского этнографического музея, после его выделения из состава Русского музея в 1934 г.). Такой организационный ход вполне соответствовал концепции музейного дела А. А. Миллера.

А. А. Миллер был последовательным сторонником комплексных многофункциональных музеев, примером которых в 1910–1920-е годы был Русский музей в городе на Неве. В 1920-х годах А. А. Миллер высказывался за создание в Петрограде специального «мусульманского» музея, «монгольского» музея (имея в виду музей буддийской культуры), музея Японии и Китая, предлагая принять во внимание создание музея мировой культуры, но при этом сомневаясь в возможности открытия таких музеев в реалиях своего времени.

Ученый был сторонником комплексного музея, в котором бы культура этноса была отражена в давней и близкой архаике в сочетании с современными художественными формами. Поэтому А. А. Миллер резко и успешно в 1917–1918 гг. возражал против плана академика Радлова по разделению Русского музея и слиянию двух этнографических музеев, отметив, что такое решение не учитывает единства структуры Русского музея, в котором задачи трех отделов — Художественного, Этнографического и Историко-бытового — перетекают друг в друга. Он настаивал на том, что, собирая памятники народного быта, ЭОРМ не может ограничить себя лишь простейшими бытовыми формами (что, по мнению А. А. Миллера, практически невыполнимо), но должен был изучать и эволюционировавшую культуру русских, ее высокие художественные формы. В этом призыве отчетливо звучал тезис об укреплении единства комплексного музея, еще полтора дальнейших десятилетия имевший значение.

Положительно благодаря позиции А. А. Миллера был решен вопрос о соотношении в ЭОРМ материалов этнографических и археологических. В дооктябрьский период ЭОРМ активно накапливал

оба вида источников. Еще в самые первые годы работы ЭОРМ было решено сосредоточиться на изучении живого быта, но в 1908 г. обсуждался и был решен положительно вопрос о собирании древностей, и начался сбор археологических коллекций. В 1920-х годах в ЭОРМ насчитывалось 131 868 этнографических предметов и 19 912 археологических. В соответствии с идеей развития специализации всего Русского музея вопрос об организации отдела археологии и секции палеоэтнографии был поставлен на совещании в 1919 г., но обсуждался и позднее. А. А. Миллер предложил сохранить единство ЭОРМ, настояв не на выделении археологического отдела, а на подготовке службы при соответствующих коллекциях, мотивируя сохранение археологических памятников в отделе, ведущем изучение живой народной культуры, наличием двух категорий археологических источников:

— коллекций древностей доисторических или протоисторических, которые не могут быть поставлены в связь с известными древними этническими образованиями;

— коллекций древностей более поздних, этническое определение которых и их родство с современными бытовыми формами устанавливаются с достаточной определенностью (Переписка 1921: 3–5).

Таким образом, исследователем создавалась структура архаики, в двух частях реконструированной по памятникам прошлого, а в третьей — доступной этнографическому наблюдению. Вещеведение, как археологическое, так и этнографическое, проводимое в музейных стенах, должно было связать названные виды архаики в единую последовательность. Такова была задача этнографического отдела комплексного музея. Историко-бытовой отдел РМ показывал неэтнографические формы недавней архаики, Художественный — один из секторов современности.

Результаты кавказоведческих исследований А. А. Миллера в археологических и этнографических экспедициях и доставленный им в ЭОРМ материал полноценно использовались в экспозициях и выставках музея, что с современной точки зрения означало сочетание археологических и этнографических предметов с преобладанием последних.

Созданная в 1895–1934 гг. структура Русского музея, в чем была ведущая роль А. А. Миллера, оказалась пересмотренной с образованием в 1934 г. на основе ЭОРМ Государственного музея этнографии (ГМЭ, ныне РЭМ). Археологическая часть его собрания была передана в другие учреждения. Дальнейшая судьба ГМЭ была обусловлена тем, что его предметной зоной была определена этнически окрашенная бытовая культура, формируемая в пределах возможностей метода непосредственного наблюдения и сбора предметов материальной культуры, находящихся в наблюдаемом бытовании. Впоследствии такой подход определил неизбежное балансирование между этнографией современности и так называемой традиционной этнографией с весьма ограниченной ретроспекцией в сторону прослеживания глубины архаики в народной культуре. В целом в науке был стимулирован разрыв традиционной этнографии и «поздней» археологии. В первой половине 1930-х годов была проведена реформа организации науки, приведшая к выделению академических форм деятельности археологии и этнографии, заместивших существовавшие ранее музейные формы науки.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Алекшин В. А. А. А. Миллер и его вклад в развитие отечественной археологии // Музей. Традиция. Этничность. 2015. № 2 (8). С. 6–19.

Алекшин В. А. Сектор/отдел археологии Средней/Центральной Азии и Кавказа ЛОИИМК АН СССР — ЛОИА АН СССР — ИИМК РАН и его предшественники в ИАК РАИМК — ИИМК СССР (основные вехи истории) // Записки ИИМК РАН. 2007. № 2. С. 10–92.

Грусман В. М., Дмитриев В. А. Из истории Российского этнографического музея: к 80-летию обретения самостоятельности // Музей. Традиция. Этничность. 2014. № 1 (5). С. 6–24.

Гуцян Л. С. Культурное наследие Западной Армении. Ереван, 2015.

Длужневская Г. В. Деятельность Государственной Академии истории материальной культуры в области востоковедения в 1919–1940 гг. // Восточный архив. 2006. № 14–15. С. 128–138.

Дмитриев С. В. Фонд Этнографического отдела Русского музея по культуре народов зарубежного Востока: история формирования и судьба (1909–1930-е гг.). СПб., 2012. С. 123–124.

Миллер А. А. Археологические изыскания в районе Таганрога. Киев, 1903.

Миллер А. А. Археологические разведки. Л., 1934.

Миллер А. А. Древние формы в материальной культуре современного Дагестана // Материалы по этнографии России. 1927. Т. 4, вып. 1. С. 15–76.

Миллер А. А. Жертвенные предметы из осетинских дзуаров // Материалы по этнографии. 1926. Т. 3, вып. 1. С. 85–94.

Миллер А. А. Из поездки по Абхазии в 1907 г. // Материалы по этнографии России. Т. 1. СПб., 1910. С. 61–80.

Миллер А. А. История искусств всех времен и народов // Первобытное искусство. Пг., 1929. Кн. 1.

Миллер А. А. Ковровые изделия Востока: выставка Этнографического отдела Русского музея. Л., 1924.

Миллер А. А. Об изобразительном искусстве тюркских народов // Всесоюзный тюркологический съезд. Баку, 1926. С. 76–79.

Миллер А. А. Элементы «неба» в вещественных памятниках. Из истории докапиталистических формаций // Известия Государственной академии истории материальной культуры. 1933. Вып. 100. С. 125–157.

Переписка с Наркоматом просвещения и Комиссией по делам музеев и охране памятников старины и другими учреждениями об охране здания музея, художественных ценностей и собирании памятников старины // Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 6. С. 34–35 об.

Платонова Н. И. «Палеоэтнологическая парадигма» во французской и русской науке XIX — первой трети XX века // Время и культура в археолого-этнографическом исследовании древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции: мат-лы XIV Западно-Сибирской археолого-этнографической конф. Томск, 2008. С. 84–93.

Решетов А. М. Александр Александрович Миллер — выдающийся археолог, этнограф и музеевед (к 125-летию со дня рождения) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Нальчик; Омск, 2001. С. 8–16.

Семенов А. И. Федор Волков, Александр и Михаил Миллеры // Традиции отечественной палеоэтнологии: тез. докл. междунар. конф., посвящ. 150-летию со дня рождения Федора Кондратьевича Волкова (Вовка). Санкт-Петербург, 15–16 апреля 1997 г. СПб., 1997. С. 37–38.

Стенографический отчет заседания Совета Этнографического отдела Русского музея 25 апреля 1918 г. // Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 11. Л. 14 об. — 17.

Стенографический отчет заседания Совета Этнографического отдела Русского музея 16 мая 1918 г. // Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 11. Л. 38–49 об.

Тихонов И. Л. Археология в Санкт-Петербургском университете: историографические очерки. СПб., 2003.

Тихонов И. Л. Письма А. А. Миллеру Ф. К. Волкову // Музей. Традиция. Этничность. 2015. № 2 (8). С. 41–56.

**THE ETHNOGRAPHIC DEPARTMENT OF THE RUSSIAN MUSEUM
IN THE COMPLEX OF ACADEMIC INTERESTS OF A. A. MILLER,
A PALEO-ETHNOLOGIST AND A MUSEUM EMPLOYEE**

ABSTRACT. Alexander A. Miller (1875–1935) was an employee of the Ethnographic Department of the Russian Museum (now the Russian Ethnographic Museum) from 1908 to 1932. The main result of his work at this institution was the formation of Caucasus Studies in the framework of Museum Oriental Studies. Miller was actively engaged in archaeological research, and as an outstanding archaeologist his name was included in the history of Russian science. For many years archaeological work created the possibility of deploying ethnographic research in favor of the Ethnographic Department of the Russian Museum. This is especially true of the work of the North Caucasus archaeological and ethnographic expedition of the State Academy of the History of Material Culture organized by Miller (with his direct participation in 1923–1931). Thanks to the joint research, the culture of Circassians, Abkhazians, Ossetians and Balkarians was studied. Outside the complex of archaeological and ethnographic work were his studies of the culture of the mountain Jews of the Caucasus (1907–1909), studies of Caucasian carpet weaving (1998–1909), and expeditionary work in Western Armenia (1916).

Miller was a representative of Russian paleoethnology and its undisputed leader. In the field of academic research he primarily sought to underline the archaic in the facts of ethnography and to show its connection with the historical past of the peoples of North Caucasus. In his museum work he sought an integrated approach to the study of various aspects of ethnic culture. In the pre-revolutionary period Miller was not only engaged in the collection of ethnographic collections, but also devoted a great deal of attention to the development of the economy of the Ethnographic Department. In the first post-revolutionary years he headed the Ethnographic Department and the entire complex of the Russian Museum, in fact, having preserved its collections. In the 1920s Miller was engaged in field research and its theoretical understanding, and prepared expositions and exhibitions of the Ethnographic Department. In 1932 he was unreasonably repressed and died in exile.

KEYWORDS: Alexander A. Miller, Ethnographic Department of the Russian Museum, archeology, ethnography, paleo-ethnology, archaic, museum activity

VLADIMIR A. DMITRIEV — Doctor of Historical Sciences, the Russian Museum of Ethnography (Russia, St. Petersburg)

E-mail: dmitriev_home @ mail.ru